

Г. ГОЛУБЕВ

ВЕНЕРА, ВАМ СЛОВО!

Рисунки В. Стацинского

Надо сказать, что редакция «Искателя» дала нелегкое задание корреспонденту Г. Голубеву: взять интервью у планеты Венеры оказалось очень сложно. Несмотря на использование самых различных средств связи, Венера не отвечала на вызовы. Это молчание в конце концов стало столь загадочным, что наш корреспондент испугался и принялся рассматривать ночное небо: не случилось ли чего-нибудь с Венерой? Но она, как обычно, сияла на небосводе. Тогда решено было перехитрить упрямую планету. Наш корреспондент воспользовался в качестве позывных музыкой и песенками из последней постановки Московского мюзик-холла «Москва—Венера, далее везде!» — там ведь на все лады воспевается интересующая нас планета. Расчет оказался правильным...

— Помолчите! — слышался капризный голос. — Дайте послушать спокойно такую чудесную музыку! Что вы все время кричите: «Венера! Венера!» Что вам от меня нужно?

— Но, дорогая Венера... Мы давно пытаемся побеседовать с вами...

— Словхватились! А раньше вы не могли мной заинтересоваться?

— Видите ли, по плану, составленному в редакции...

— Вы хотите сказать, что моя очередь подошла только сейчас?!

(Это, вспоминал наш корреспондент, было произнесено таким тоном, что стало ясно: беседа может немедленно оборваться. Пришлось в течение получаса говорить только комплименты и цитировать все известные ему стихи, в которых воспевалась Волшебная Утренняя Звезда, она же Звезда Любви, она же Вечерняя Звезда... Но ради экономии места мы эту лирику опускаем.)

— Не понимаю мужской логики, — уже более спокойно сказала, наконец, Венера. — Предоставляете слово сначала Луне, потом Марсу. И каждый из них наперебой хвастает своими загадками.

На лице Луны вы давно изучили каждую морщинку, каждое пятнышко и смогли даже убедиться, что с обратной стороны она не более удивительна... И что вообще в ней загадочного? А этот старый хвостун Марс? Вся физиономия в каких-то безобразных пятнах и шрамах, а вы восхищаетесь тайнами «каналов» и «морей». Вот я действительно загадка: моего лица вы никогда не видели.

— Да, ваша облачная вуаль доставляет массу хлопот астрономам. Все они втайне мечтают, чтобы вы приоткрыли ее хоть на миг.

— И не подумаю! Тогда вы моментально поставите меня на какое-нибудь сто первое место в ваших редакционных планах. А пока загадочность делает меня еще привлекательнее, не правда ли?

— Пожалуй, это верно, дорогая Венера, но не кажется ли вам, что во всем надо соблюдать меру? А то какую гипотезу ни выскажут о вас ученые, она очень быстро оказывается недостоверной.

— С удовольствием принимаю этот тонкий комплимент. Однако за последние годы, даже буквально за считанные месяцы, вы ведь ухитрились узнать обо мне кое-что новое.

— Да, кажется, удалось, наконец, достаточно точно установить ваши размеры. Прежде различные исследователи при определении вашего радиуса расходились в расчетах на двести с лишним километров, и, конечно, они сознавались, что это «совершенно нетерпимо в отношении столь близкой к нам планеты». Последние расчеты советского профессора Д. Я. Мартынова показали, что на высоте облачного слоя ваш радиус немногим превышает 6 100 километров.

— Неплохо. Но это опять-таки на высоте облачного слоя...

— Пользуясь тем, что световые волны различной длины по-разному проходят сквозь облачный слой, наши астрономы суме-

ли в какой-то степени сделать вашу вуаль прозрачной. А снимки в ультрафиолетовых лучах позволили заметить на вашей поверхности какую-то систему полос. По их движению удалось определить местонахождение ваших полюсов. Они занимают примерно такое же положение, как и у Земли: угол между осью вашего вращения и плоскостью орбиты составляет 60—70 градусов, не так ли?

— Вы забыли, что эти расчеты верны лишь в том случае, если полосы на моей поверхности параллельны экватору...

— Да, как это мы наблюдаем у Юпитера.

— Но я не Юпитер, я Венера!..

— Однако мы проверяем эту гипотезу и другими методами. Очень важные данные принесла науке радиолокация, которой вас подвергли советские ученые в прошлом году. Ведь раньше о периоде вашего обращения вокруг оси ученые давали самые противоречивые определения — от 22 часов до 225 суток! Так что по одним расчетам получалось, что Солнце обогревает вашу поверхность примерно так же равномерно, как и земную, по другим — будто на одном из ваших полушарий царит вечный мрак.

— Обидно, когда о тебе так плохо думают...

— Да, но это было раньше. А теперь радиолокатор позволил довольно точно определить, что период вашего обращения вокруг своей оси составляет немногим меньше десяти земных суток. Из этого можно сделать весьма важные выводы о природных условиях на поверхности, которую вы так старательно прячете под облаками.

— Какие же?

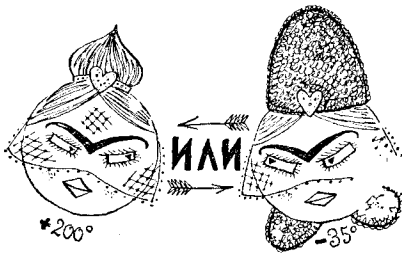
— Ну, раз вы совершаете полный оборот за десять суток, вся ваша поверхность облучается равномерно и на ней создается довольно мягкий температурный режим.

— Однако о том, насколько сильно нагревается или остывает моя поверхность, у вас продолжают научные споры?

— Да, в этом вопросе, к сожалению, еще много неясного. Для облачного покрова болометрические измерения в инфракрасной области дали 35 градусов мороза, а по данным исследований радионизлучения получается совсем иное: 200 градусов тепла...

— Ничего себе, «мягкий температурный режим»! И к тому же опять на уровне облачной оболочки.

— Противоречие действительно резкое, но, кажется, наши ученые начинают в нем разбираться. Они предполагают, что сведения о высоких температурах приносят нам радиоволны, которые излучает ваша ионосфера, а ведь она сильно нагревается и

ультрафиолетовыми лучами и корпускулярными потоками, летящими от Солнца. Точно такое же явление наблюдается и в земной ионосфере. Температура вашей поверхности под облачным покровом, вероятно, не превышает 50—100 градусов тепла. Есть и другая гипотеза: возможно, что излучение, которое улавливают наши радиотелескопы, вовсе не теплового происхождения, а порождается частицами высоких энергий, «плененными» вашим магнитным полем. В таком случае по нему вообще нельзя судить о вашей температуре.

— Вероятно, вы ждете, что я помогу разрешить эту загадку?

— Это было бы замечательно!

— Ну зачем же я сама стану лишать себя хоть частицы загадочного обаяния? Любая женщина вам скажет, что это совершенно неразумно. Так что продолжайте ваши наблюдения и не теряйте со мной связи...

— Наоборот, мы все время пытаемся укрепить эту связь. Мы первые послали к вам автоматическую межпланетную станцию, ведем все новые радиолокационные измерения.

Помогите же и вы нам теперь хоть немного! Астрономы даже поднимают телескопы на стратостатах, надеясь избавиться от земных атмосферных помех и отыскать хотя бы небольшую и пусть ненадолго открывшуюся «прореху» в вашем облачном наряде. Ведь нам так хочется узнать, что представляет собой ваша поверхность. Американские астрономы Мензел и Уиппл предполагают, например, что она сплошь залита океанскими водами. Но последние радиолокации как будто опровергают эту гипотезу, они показывают, что ваша поверхность неоднородна. Различные участки ее по-разному отражают радиоволны — значит, там должны быть острова, может быть, даже целые материки. Но как они выглядят? И, конечно, самое главное: есть ли на них жизнь? В каких формах?

— Ну, в этом отношении я не хуже других планет.

— Да, у вас есть вода, без которой невозможна жизнь, во всяком случае в формах, известных нам на Земле, а других мы пока не знаем. Какие же неведомые существа резвятся в глубинах ваших океанов? Как выглядят ваши луга и леса? Действительно ли они багряно-красные? Это предположение Г. А. Тихова основано на том, что климат у вас влажный и теплый, как в природной оранжерее...

— Значит, в существовании жизни под моим облачным покровом вы уже не сомневаетесь?

— Пожалуй, нет. Споры сейчас идут о том, на какой стадии развития находится эта жизнь. Одни считают, что вы старше Земли, от близости Солнца жизнь в ваших морях и лесах развивалась быстрее и теперь уже клонится к закату. По другим гипотезам, наоборот, вы отстали от нас и жизнь у вас только начинает свое победное шествие. Тогда она напоминает ту, которая существовала на Земле миллионы лет назад, во времена каменноугольного периода.

— Вы хотите сказать, что все зависит от моего возраста?

— Да, дорогая Венера, сколько вам тысячелетий?

— Но кто же задает такой вопрос женщине!

— Я вас спрашиваю не как женщину, а как планету.

— Оставьте эти словесные ухищрения для простушек вроде Луны. О своем возрасте я ничего говорить не буду. Впрочем, что толку говорить о моей поверхности, а тем более о жизни на ней, когда вы даже еще не разобрались в загадках облачной оболочки? Вот уже двести лет, как ваш замечательный соотечественник Михаил Васильевич Ломоносов обнаружил мою атмосферу, а много ли вы с тех пор узнали о ней?

— Мы довольно точно выяснили ее состав, разве не так? Больше всего в ней углекислого газа — так много, что при нормальном атмосферном давлении он должен образовать слой в один-три километра толщиной. Другая важная составная часть вашей атмосферы — азот. До последнего времени считалось, что она совершенно лишена кислорода. Но совсем недавно, в марте этого года, советские астрономы обнаружили и кислород в верхних слоях вашей атмосферы.

— Все это очень мило, но позвольте задать вам такой вопрос: все эти газы прозрачны, почему же вы не видите моей поверхности?

— Тут наши ученые пока не пришли к общему заключению. Одни считают, что пелену облаков образуют мельчайшие капельки воды, диаметром всего в 2—2,5 микрона. Правда, здесь есть одно «но»: углекислый газ, которого так много в вашей атмосфере, в присутствии воды непременно должен соединяться с различными веществами горных пород. Почему же количество его не убывает? Чтобы устранить это противоречие, американские астрономы и выдвинули гипотезу о том, будто всю вашу поверхность сплошь покрывает вода, ведь тогда горные породы не соприкасаются с атмосферным углекислым газом. Однако последние данные радиолокации, как я уже говорил, эту гипотезу, кажется, похоронили.

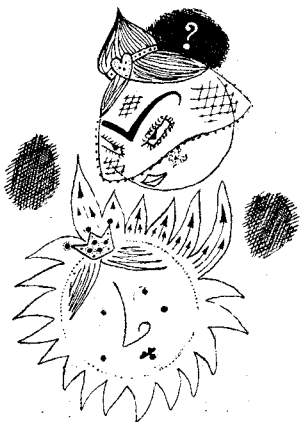
Есть и другое объяснение происхождения вашей «вуали». Может быть, она состоит из недоокиси углерода C_3O_2 , которая образуется при освещении углекислого газа ультрафиолетовыми лучами? К сожалению, это соединение весьма неустойчиво, и в земных условиях его очень трудно исследовать. Как видите, я ничего не скрываю от вас...

— В надежде, что я отвечу взаимностью? А что вы скажете, если никакого облачного покрова у меня вообще нет?

— То есть как? Почему же мы тогда не видим вашей поверхности?

— Вы ее видите. Только она сплошь покрыта ледниками, ихто вы и принимаете за облака.

— Подождите, это же старая гипотеза английского аст-

ронома Баркета. Он исходил из того, что период вашего обращения очень велик, и поэтому одна половина планеты — как раз та, какую мы наблюдаем,—всегда скрыта от солнечных лучей. Но гипотеза Баркета полностью опровергнута данными радиолокации. Зачем вы меня путаете?

— Опять-таки чтобы вы не слишком зазнавались. А то вы все упрекаете меня, что я слишком ревниво храню свои тайны, не хочу помочь вам их разгадать. А не напрасны ли ваши упреки? Подумайте-ка! Разве я уже не стала вашей помощницей?

— Каким образом?

— Ах, вы уже забыли... Какая неблагодарность! Но разве могли бы вы без меня уточнить вашу астрономическую единицу?

— О нет, что вы, дорогая Венера, ваша помощь в этом была неоценима. Действительно, астрономическая единица, за которую принято среднее расстояние от Земли до Солнца, нам необходима во всех расчетах небесной механики. До поры, до времени мы могли мириться с тем, что эта космическая мера длины известна нам с точностью до сорока тысяч километров. Но для точных расчетов траекторий космических кораблей она не годится. Поэтому в прошлом году советские ученые попытались уточнить астрономическую единицу при локации вашей поверхности. Она оказалась равной 149 457 тысячам километрам с возможным отклонением всего лишь в пять тысяч километров. Это уже значительно лучше, и мы весьма вам признательны за участие в таком важном космическом эксперименте.

— Но почему вы благодарите меня довольно кислым тоном?

— Как вам сказать...

— Опять вы видите какое-то коварство с моей стороны? Говорите смело, я не обижусь.

— Тут опять... возникло одно противоречие. Совсем недавно была сделана попытка уточнить величину астрономической единицы другим, математическим методом. Эти расчеты — тоже весьма точные — почему-то расходятся с данными радиолокации на семьдесят с лишним тысяч километров.

— Вас смущает это противоречие? Но ведь за каждой загадкой обычно следует и какое-нибудь открытие. Так что посылайте ко мне новые ракеты.

— Мы так и сделаем. До скорой встречи, прекрасная Венера! Большое спасибо за интервью! Привет вашим обитателям, если они существуют! Пусть ждут нас!

